

ГЕНРИ БЭЗИЛ ГАРТ

Битвы Третьего рейха.

Воспоминания высших чинов
генералитета нацистской
Германии

Генри Лиддел Гарт

**Битвы Третьего рейха.
Воспоминания высших
чинов генералитета
нацистской Германии**

«Центрполиграф»

Лиддел Гарт Г. Б.

Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии / Г. Б. Лиддел Гарт — «Центрполиграф»,

Эта книга была создана на основе рассказов немецких генералов. Автор излагает мнение немецких стратегов о Красной армии и об армиях союзников, приводит причины, которые, по мнению непосредственных участников событий, привели Германию к краху. Книга написана ярким и образным языком. Автор сумел сделать серьезные проблемы военной истории, стратегии и тактики интересными и понятными читателю.

© Лиддел Гарт Г. Б.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Бломберг	16
Фрич	18
Двойное увольнение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бэзил Лиддел Харт

Битвы Третьего рейха.

Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии

Моему сыну Эдриану и всем тем, кто помогал мне в этом историческом исследовании

Предисловие

Вскоре после окончания войны я получил счастливую возможность приступить к исследованию лагеря противника изнутри, выяснить, что происходило за линией фронта, в умах и сердцах наших противников. Выполняя порученную мне официальными лицами работу, я неоднократно и на протяжении довольно длительного периода времени встречался с немецкими генералами и адмиралами. В процессе долгих бесед мы обсуждали различные военные события, причем это происходило, когда воспоминания были еще очень свежи: они не успели изгладиться из памяти людей или, наоборот, обрасти дополнительными, зачастую недостоверными подробностями. Таким образом стали известны многие тайны германского командования.

Я внимательно слушал рассказы немецких генералов, пытался понять этих людей. Кстати, очень немногие из них были похожи на сложившийся у многих стереотип «железного прусского солдата». Наиболее близким к нему оказался Рундштедт, да и то создавшееся впечатление частично сглаживалось его врожденными благородными манерами и тонким чувством юмора. Он неизменно вел себя со спокойным достоинством и не жаловался на тяжелые условия, в которых находился в плену (что не делало чести победителям), чем завоевал искреннее уважение большинства британских офицеров, которым по долгу службы приходилось с ним встречаться. Разительный контраст с ним составляла группа молодых и крайне агрессивно настроенных генералов, людей дурно воспитанных и невежественных, обязанных своим повышением только рьяной преданности идеям нацизма, а вовсе не собственным достоинствам. Однако подавляющее большинство офицеров все-таки были другими. Они бы лучше всего чувствовали себя в кресле банковского менеджера или цехе крупного завода.

В мирной жизни эти люди были специалистами каждый в своей узкой области и мало интересовались политикой. Нетрудно догадаться, как они попали в сети Гитлера, откуда пути назад уже не было, и стали орудием в его руках. Работая со свидетельствами очевидцев, я тщательно изучил политическую ситуацию, сложившуюся в мире перед войной. Это помогло мне правильно оценить события и избежать неверных толкований происшедшего, которые были отнюдь не редкими в послевоенные годы.

В период между войнами я работал военным корреспондентом, поэтому в силу своих профессиональных обязанностей постоянно следил за развитием событий в Европе, при этом всегда старался не упускать из виду происходящее в Германии. Последнюю задачу в значительной степени облегчал тот факт, что мои военные книги были популярны в Германии, некоторые из них были переведены на немецкий язык видными военными деятелями.

Мои неоднократные предупреждения об опасности, которую несет нацизм, хорошо известны моим читателям как в Европе, так и в Америке. Я указывал на первые симптомы опасности даже раньше, чем Гитлер пришел к власти в Германии. В то же время для меня

было совершенно очевидно, что немецкий Генеральный штаб при Гитлере утратил свое влияние, особенно если сравнить с тем, которым он обладал во времена кайзера. Вместе с тем Генштаб являлся скорее тормозом к осуществлению агрессивных планов фюрера, чем активным помощником в их осуществлении.

Однако утверждение, что именно Генеральному штабу принадлежала главенствующая роль в реализации агрессивного курса Германии, как это в действительности было до 1918 года, было основным при формулировании обвинений на Нюрнбергском процессе. Несколько ранее это считавшееся аксиомой убеждение удержало правительства Великобритании и Соединенных Штатов от оказания своевременной и эффективной помощи подпольному движению Германии, поддержанному военной верхушкой, которая планировала свержение Гитлера. Концепция о преобладающем влиянии на политику страны Генерального штаба уже утратила свою актуальность. Однако легенды порой бывают необыкновенно живучи. К сожалению, именно они отсрочили падение Гитлера и задержали окончание войны на месяцы, а быть может, и годы. В Европе, к сожалению, это поняли слишком поздно.

Я бы хотел выразить свою искреннюю признательность всем, кто помогал мне в моих исследованиях, и в первую очередь капитану Ф.С. Кингстону, чье виртуозное владение немецким языком оказалось для меня воистину бесценным. Не могу не отметить и представителей «противоположного лагеря», которые также немало способствовали успешному проведению моих исторических исследований, проявляя при этом откровенность и объективность. В заключение я хотел бы поблагодарить генерал-майора сэра Перси Хобарта, Честера Вилмонта, Дж. Р. Аткинсона и Десмонда Флауэра, высказавших ценные замечания и предложения при подготовке этой книги.

Б.Х. Лидделл Харт

Часть первая

Гитлеровские генералы

Глава 1

Самоубийственный раскол

Во время войны события и люди, в них участвующие, кажутся не такими, как по прошествии времени. В наибольшей степени это касается высших государственных и военных деятелей. По мере развития событий первоначальный образ каждого довольно быстро меняется в прямой зависимости от того, насколько успешно идут дела.

Перед войной и во время победного шествия по западным странам Гитлер представлялся неким гигантом, сумевшим сочетать стратегический гений Наполеона, острый ум и хитрость Макиавелли и фанатичность Магомета. После получения им первого отпора в России его образ довольно быстро утратил свое величие, и в конце войны из «гениального полководца» он превратился в бездарного любителя, чьи безумные приказы и махровое невежество сослужили хорошую службу союзникам. В итоге все трагедии немецкой армии стали приписывать Гитлеру, а успехи – Генеральному штабу.

Такая картина не является достоверной, хотя некоторая доля правды в ней имеется. Гитлер был далеко не так глуп в части стратегии. Более того, в некоторых случаях его можно было даже назвать блестящим стратегом.

Он тонко чувствовал, где необходима внезапность, был непревзойденным мастером психологии стратегии, которую поднял на качественно более высокую ступень. Еще задолго до начала войны он описывал своим соратникам, каким образом следует нанести решающий удар, чтобы захватить Норвегию, и как можно выбить Францию с линии Мажино. Он предвидел лучше, чем все генералы, что до начала войны можно осуществить бескровный захват многих стран Запада, предварительно подорвав основы сопротивления. Ни один стратег в истории не достиг таких высот в умении в нужный момент использовать слабости противоборствующей стороны – а ведь именно в этом заключается высшее искусство стратегии.

Гитлер очень часто оказывался прав, действуя вопреки своим профессиональным советникам, поэтому и сумел приобрести такое влияние. Первоначальные ошеломляющие результаты впоследствии значительно ослабили его позиции, даже когда его действия были более правильными. К началу русской кампании недостатки фюрера стали более очевидными, чем достоинства, что в конечном счете и привело к окончательному банкротству. Но даже при этом не следует забывать, что с Наполеоном, являвшимся профессиональным военным стратегом, его успех тоже сыграл недобрую шутку, в результате чего последовали роковые ошибки, причем, что любопытно, и Наполеон и Гитлер совершали ошибки на одном и том же месте.

Основная ошибка Гитлера заключалась в том, что он упорно отказывался «снизить потери» и настаивал на продолжении наступления любой ценой, даже когда шансы на победу оказывались минимальными. Кстати, эта же ошибка была свойственна Фоху и Хейгу, полководцам союзников во время Первой мировой войны, так же как и Гинденбургу и Людендорфу, возглавлявшим военное командование Германии. А все они были профессиональными военными. Гитлер также немало поспособствовал краху немецкой армии во Франции, отказавшись санкционировать приказ о своевременном отступлении. Но и здесь он поступил так же, как Фох. Разница заключалась лишь в том, что в далеком 1918 году командиры на местах не подчинялись Фоху, если не считали его приказы целесообразными. А в 1944–1945 годах немецкие генералы откровенно боялись не выполнить приказ фюрера.

Именно этот страх, а также внутренний конфликт в среде высшего военного командования Германии следует рассматривать в первую очередь, если мы хотим понять, почему же в конечном счете планам немцев не суждено было исполниться.

Генералы старой школы являлись главными разработчиками и исполнителями стратегии страны на протяжении всей войны, однако в дни триумфального успеха их роль не получила должного признания. После того как ситуация коренным образом изменилась, они «вышли из тени» и в конечном счете были признаны союзниками как грозная сила. На протяжении последнего года в центре внимания находился главным образом Рундштедт, один из ведущих военных деятелей той поры.

Немецкие генералы всегда считались серьезной силой, способной сосредоточить в своих руках огромную политическую власть. Поэтому союзники постоянно ожидали, что генералы в конце концов свергнут Гитлера, чего, к сожалению, так и не произошло. Этим же объясняется весьма распространенное мнение, что они несут не менее серьезную угрозу, чем сам фюрер, и в полной мере разделяют ответственность за агрессию Германии. Такое утверждение было вполне справедливым, когда речь шла о Первой мировой войне, но не о Второй. Немецкие генералы практически не повлияли на развязывание Второй мировой войны – разве что явились не слишком эффективным тормозом.

Когда война началась, они, разумеется, внесли немалый вклад в успехи Гитлера, однако их достижения оказались в тени его безусловного триумфа. В глазах окружающего мира они заняли более видное положение, лишь когда звезда фюрера начала клониться к закату, но в собственной стране они оставались бессильными.

Причиной тому явилась комбинация разнообразных факторов. Генералы старой школы по сути своей являлись консерваторами и неуклонно придерживались сложившихся традиций, что, разумеется, не импонировало молодому поколению, воспитанному в духе революционного бунтарства и фанатичной преданности идеям национал-социализма. Поэтому старые генералы не могли рассчитывать на лояльность собственных войск в случае каких бы то ни было выступлений против существующего режима и в особенности против его создателя и вдохновителя – фюрера. Они намеренно держались в стороне от государственных дел и таким образом оказались в ловушке, что устраивало Гитлера, дополнительно изолировавшего их от источников информации. Немаловажным фактором являлось привитое им с детства понятие о воинской дисциплине и необходимости соблюдать присягу, принесенную главе государства. Это может показаться смешным, поскольку речь шла о личности, никогда не считавшей необходимым выполнять свои же обещания. Однако таковы были издержки воспитания потомственных военных, ставшие серьезной помехой для них в новых условиях. Вместе с тем нередко на передний план выступали и собственные интересы. При этом долг перед товарищами и интересы страны перед лицом непосредственной угрозы для жизни отступали на второй план. Результатом причудливого сочетания индивидуальных амбиций и расхождения личных интересов стала роковая слабость генералов, проявленная ими в затянувшейся борьбе за сохранение своего профессионального места в военной области и ограждения его от вмешательства извне. Эта борьба длилась двенадцать лет. Она началась с приходом Гитлера к власти и завершилась падением Германии.

Первый этап борьбы завершился в пользу профессионалов. Преимущество было достигнуто, когда Гиммлер сумел так удачно сыграть на страхах Гитлера, что подтолкнул его к организации преследования капитана Рема и других предводителей ставших неуправляемыми отрядов СА. В точности неизвестно, замыслили они свержение фюрера или нет, но нет никаких сомнений, что они собирались занять важное место в военной системе Германии. Избавившись от штурмовиков, Гитлер стал более зависимым от поддержки генералитета, а последним удалось восстановить свое главенствующее положение в армии.

Второй этап достиг своего апогея в январе 1938 года, когда сами профессионалы оказались в одной из ловушек Гимmlера. В 1933 году Гитлер назначил министром рейхсвера генерала фон Бломберга. Его соратников весьма обеспокоил тот факт, как быстро он попал под влияние Гитлера. Затем они получили шокирующее известие о намечающейся женитьбе генерала на машинистке из его офиса, в результате отчуждение стало еще более явным. Но Гитлер дал добро на женитьбу и благословил сей «демократический» брак. Вскоре после этого Гимmlер извлек на свет божий полицейское досье, из которого явствовало, что счастливая невеста была проституткой. В ярости (действительной или притворной) Гитлер изгнал Бломберга. Вслед за этим Гимmlер предъявил еще одно досье, содержащее сфабрикованные обвинения в гомосексуальных пристрастиях генерала фон Фрича, командующего сухопутными силами Германии. После этого фон Фрич был смещен Гитлером со своего поста и так и не был восстановлен, хотя впоследствии офицерский суд чести признал все обвинения ложными. (Подробное описание этого кризиса приведено в главе 3.)

Гитлер воспользовался шоком, овладевшим офицерским корпусом, и занял пост Верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии. Так он получил право полного контроля над стратегическими решениями, одновременно позволив Гимmlеру принять меры по усилению своего влияния. Генерал Кейтель, чьи закулисные интриги ослабили объединенный фронт генералов, выступивших в защиту фон Фрича, стал последователем Бломберга. Но он имел более низкий статус и сохранял это место только благодаря раболепству перед Гитлером. Во главе сухопутных сил был поставлен генерал фон Браухич. Он имел хорошую репутацию и не принадлежал ни к реакционной, ни к нацистской группировкам. Предприняв этот шаг, Гитлер стремился одновременно умиротворить армию и получить опытного командира, которым будет легче манипулировать, чем Фричем.

Однако Браухич оказался более сильным защитником профессиональных военных, чем этого можно было ожидать. Он также стремился повернуть внешнеполитический курс нацистов в мирное направление, неоднократно предупреждая, что немецкая армия не готова к войне и что агрессивные планы Гитлера не должны втянуть страну в открытое военное противостояние. Его протесты были поддержаны главой Генерального штаба генералом Беком, выступившим с осуждением военных планов фюрера, причем он сделал это настолько открыто, что сразу же был смещен со своего поста. Но даже после этого Браухич и последователь Бека Гальдер выступили против нападения Гитлера на Чехословакию, утверждая, что Германия не готова к проведению крупномасштабных военных операций, однако их доводы не были услышаны.

Укрепив свой престиж бескровным захватом Чехословакии, Гитлер обратил свой взор на Польшу. Генералы имели не большое влияние на фюрера и только старались убедить его, что не следует рисковать, во всяком случае не заручившись нейтралитетом России. Зато, сделав это, он сумел убедить большинство генералов, что Великобритания и Франция не станут вмешиваться, а значит, удар по Польше не будет являться серьезной угрозой вовлечения Германии в большую войну.

После завоевания Польши в отношениях Гитлера с генералами снова появилось напряжение. Они обнаружили, что он намеревается расширить зону конфликта, предприняв наступление в западном направлении. Генералы не верили, что есть шанс победить Францию. Однако их протесты снова остались без внимания. Дальше разговоров о том, что фюрера следует остановить, дело не пошло. Было бы несправедливо осуждать их за проявленную на этом этапе беспомощность, поскольку они имели все основания сомневаться, последуют ли за ними войска в выступлении против Гитлера. К тому же никому не хотелось войти в историю в качестве предателя своей страны в тяжелый для нее час.

Сомнения генералов не стали препятствием для Гитлера, вознамерившегося во что бы то ни стало покорить Францию. Успехом этого предприятия фюрер обязан частично появлению

нию новой тактики и оружия, частично инициативе нового поколения военных, воспитанного в духе безоглядной преданности нацизму. Свою роль сыграли и ошибки, допущенные французскими военными, в чем юные нацисты никогда бы не признались.

Как бы там ни было, генералы сделали все от них зависящее, чтобы выполнить приказ фюрера, и Гитлер покорил Францию. Причем именно благодаря его неожиданным и странным сомнениям, а вовсе не колебаниям военных собран был не весь возможный урожай. Однако безусловный вклад генералов в победу, как это нередко бывает, обернулся дальнейшим ослаблением их позиций. В глазах всего мира победа была завоевана лично Гитлером, и именно его чело было увенчано лавровым венком. Фюрер внимательно следил, чтобы все почести достались именно ему, после чего окончательно уверовал, что является величайшим стратегом и полководцем. С еще более возросшим рвением он стал вмешиваться в дела Генерального штаба, причем не желал слушать никаких аргументов, шедших вразрез с его великими планами.

Большинство генералов не приветствовало вторжение в Россию. Однако, как и большинство «узких» специалистов, они были достаточно наивны во всем, что не касалось их сферы деятельности, поэтому Гитлер сумел легко победить их сомнения по поводу намечающейся российской кампании с помощью политической информации, специально подобранной таким образом, чтобы показать: внутренние проблемы России не могли не ослабить ее военную мощь. Когда стало очевидно, что вторжение идет далеко не так легко, как ожидалось, Браухич и Гальдер хотели вовремя отступить, но немецкие войска уже подошли слишком близко к Москве, чтобы Гитлер смог устоять перед соблазном. Он настоял на том, чтобы наступление продолжалось любой ценой, хотя шансы на успех были минимальными. Когда уже невозможно было скрывать, что планы фюрера провалились, он весьма ловко переложил вину на другого, публично отстранив Браухича, после чего лично возглавил армию, так же как и вооруженные силы страны в целом.

Вплоть до конца войны фюрер успешно игнорировал мнение генералов по вопросам политики и даже иногда переигрывал военных на их собственном поле. Если кто-нибудь из них выражал протест по поводу очередной авантюры, он всегда ловко находил другого, более амбициозного, готового занять более высокое место и возглавить наступление, – нельзя забывать, что именно к этому инстинктивно склонны профессиональные военные. В то же время в армию был открыт путь для лидеров СС и нацистской партии, которые шпионили за командирами, заподозренными в нелояльности. Таким образом вероятность успешного «бунта» генералов значительно уменьшилась. Последним оставалось только делать все от них зависящее, чтобы выполнять приказы – наилучшим или наихудшим образом. Есть основания предполагать, что некоторые генералы выполняли приказы, которые считали необдуманно и даже вредными, единственно чтобы сорвать планы Гитлера и ускорить конец войны.

Глава 2

Зект

Немецкий генерал, оказавший очень большое влияние на ход Первой мировой войны, умер за год до ее начала, а оставил действительную службу за семь лет до этого. Это был Альфред фон Шлиффен, выходец из балтийского города Мекленбурга. Именно он разработал генеральный план вторжения во Францию, подготовил «консервные ножи» для вскрытия крепостного барьера и обучил людей. Даже при неумелой реализации этого плана последователем Шлиффена он был очень близок к успеху, война вполне могла завершиться в течение всего лишь одного месяца.

Немецкий генерал, оказавший величайшее влияние на ход Второй мировой войны, умер за три года до ее начала, а вышел в отставку десятью годами ранее. Это был Ганс фон Зект, выходец из земли Шлезвиг-Гольштейн, территории, расположенной между Мекленбургом и Данией. Этот человек внес максимальный вклад в возрождение немецкой армии после Первой мировой войны и заложил основы, на которых могла быть возведена новая, еще более мощная структура. Его планы разрабатывались и претворялись в жизнь в тяжелейших условиях, навязанных победителями, которые были призваны исключить возможность воссоздания немецкой армии. Существовавшие серьезные ограничения делали работу Зекта еще более важной. Достижения вермахта, особенно на первой победоносной стадии войны, были связаны с реализацией планов Зекта. Он же предвидел последующие неудачи, однако его предостережения оказались тщетными.

Ни один из гитлеровских генералов не оказал такого влияния на ход Второй мировой войны, как Зект, под руководством которого произошло возрождение немецкой армии. И, даже рассматривая более поздний период, то есть генералов, имена которых стали известными в 1939–1945 годах, невозможно отыскать столь же значимую фигуру. Именно Зекту Германия обязана появлением дееспособной армии, возрождавшейся еще в те дни, когда Генеральный штаб, связанный по рукам и ногам условиями Версальского договора, работал в подполье.

Зект встретил начало Первой мировой войны в звании подполковника, будучи начальником штаба корпуса в 1-й армии Клюка. Таким образом, он имел отличную возможность воочию убедиться, как неумелое исполнение может загубить даже самый блестящий план. Он отлично видел, что решающая победа ускользнула, когда до нее, казалось, уже было рукой подать. О себе Зект заявил несколько позже, в 1915 году, фактически возглавив части фельдмаршала фон Макензена в решающем прорыве в районе Горлицы в Польше. В результате русская армия оказалась раздробленной и так до конца войны и не сумела оправиться от этого удара. Именно здесь Зект впервые испробовал новый метод атаки, содержащий зародыши современных тактических приемов проникновения – концентрация резервов и нанесение главных ударов по уязвимым местам обороны противника и продвижение вперед на максимальную глубину. До этого в ходу были другие тактические приемы – равномерное продвижение вперед и использование резервов для удара по наиболее укрепленным участкам обороны противника.

«Серый кардинал», до поры скрывавшийся в тени Макензена, довольно скоро стал известным. В армии даже появилась поговорка: «Где Макензен, там Зект, а где Зект, там победа». Зект продолжал играть важную роль в военной кампании на востоке, однако ему не повезло, поскольку он оказался вне круга Гинденбурга – Людендорфа, осуществлявшего верховное командование немецкой армией с 1916 года до конца войны. Однако это спасло его репутацию после краха немецкой армии на Западном фронте, и он даже стал советником немецкой делегации на мирной конференции. Следующим шагом в карьерном росте Зекта стало его назначение главнокомандующим рейхсвером, небольшой армией, насчитывающей

всего лишь 100 000 солдат и офицеров, которой должна была отныне довольствоваться Германия по условиям мирного договора.

Возрождение военной мощи Германии – вот задача, решению которой он всецело посвятил себя. Зект никогда не забывал уроки истории и знал, как Шарнхорст сумел избежать разоружения прусской армии, навязанного ей Францией после 1806 года, и построил «замаскированную» армию, которая семью годами позже отплатила Наполеону той же монетой. Зект и его сторонники, по сути, стремились сделать то же самое, что и Шарнхорст, но в гораздо более тяжелых условиях.

Первым препятствием, стоявшим перед Зектом, было недоверие лидеров новой республики к касте военных, которые всегда относились к гражданским лицам с высокомерным пренебрежением, они же и привели нацию к сокрушительному поражению. Здесь Зекту помогло то, что его изысканные манеры, дипломатический такт и внимательное отношение к людям производили очень хорошее впечатление и вызывали симпатию, особенно в сравнении с высокомерной бесцеремонностью Гинденбурга и Людендорфа. Зект являл собой очевидный и весьма выигрышный контраст с угрожающей фигурой классического прусского генерала, оставившего после себя недобрую память. Неизменная элегантность, разносторонние интересы и широкий кругозор удачно дополняли образ этого сдержанного человека, получившего прозвище «сфинкс». А его слегка циничное отношение к окружающему, сопровождаемое ироничными комментариями и насмешливыми репликами, всегда было неприемлемым в высших военных кругах, в то время как среди политиков эти же качества казались свидетельством отсутствия фанатизма и удачного сочетания богатого военного опыта с умеренным духом милитаризма.

В целом Зект старался держать армию вне политики, а его очевидная лояльность новому режиму, проявленная в смутное время, позволила ему завуалировать свои планы дальнейшего развития в области милитаризации. Он стремился, чтобы кадровый состав нового рейхсвера формировался из солдат и офицеров, имевших опыт военных действий. Он поставил себе целью сделать немногочисленную армию, состоящую всего лишь из 4000 офицеров и 96 000 солдат, группой квалифицированных инструкторов, настоящих лидеров, чтобы на ее основе, когда представится возможность, произвести быстрое расширение. Все люди проходили курс обучения, в результате которого приобретали значительно больше знаний и опыта, чем солдаты и офицеры второй армии.

Зект также разработал ряд тайных планов, с помощью которых офицеры приобретали значительно больше опыта, а значит, и возможностей, чем это было возможно в армии, принудительно лишенной современного вооружения. Многие кадровые офицеры и военные инженеры нашли временную работу в Японии, Китае, южноамериканских странах и в Советском Союзе, где они могли приобрести некоторый опыт в обращении с бронетехникой. Офицеры военно-воздушных сил стали летать на гражданских авиалиниях. Немало демобилизованных солдат и офицеров имели возможность практиковаться в военном деле в различных неофициальных организациях, которых в Германии появилось довольно много, причем с помощью всевозможных уловок для их тренировок было сохранено оружие.

Все перечисленное явилось заслугой умного и опытного солдата и его самоотверженных помощников, действовавших в условиях строжайших ограничений. В дополнение ко всему им приходилось постоянно опасаться офицеров союзников, призванных следить за соблюдением условий мирного договора. Но было бы исторической ошибкой придавать этой работе чрезмерную важность и считать ее базой для нового витка агрессивных планов Германии. На самом деле эффект был едва заметен, особенно в сравнении с той мощью, которую стране еще предстояло набрать, чтобы стать по-настоящему опасной. Реальное наращивание военного потенциала началось лишь в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти и начал широкомасштабное вооружение, причем в этот процесс бывшие союзники даже не пытались вмешиваться.

Фактически Зект отправил в путь эшелон идей, в конечном итоге возродивших немецкую армию, при этом направив его по пути прогресса, иными словами, добавил качественную составляющую к процессу количественного роста, насколько позволило бездействие союзников. По его замыслу, рейхсвер должен был стать исключительно мобильным, поскольку быстро движущаяся и наносящая быстрые, точные удары армия, состоящая из опытных, хорошо обученных солдат и офицеров, в современных условиях может успеть намного больше, чем старое, инертное войско. В первом же послевоенном руководстве для рейхсвера было сказано, что «каждое действие должно базироваться на внезапности. Без внезапности невозможно достичь значительных результатов». Другой основной принцип – гибкость. «Резервы следует выдвигать и использовать там, где достигнут успех, даже если тем самым придется перенести первоначальный центр тяжести». Чтобы обеспечить гибкость, в рейхсвере были разработаны новые средства связи, причем для этой цели была выделена большая часть людей, чем в любой другой послевоенной армии. Командиры всех рангов должны были находиться ближе к передовой, чем это считалось общепринятым, чтобы они могли непосредственно контролировать ход сражения и при необходимости быстро влиять на него.

Повышенное внимание к вопросам маневренности, которое проявляли после Первой мировой войны в рейхсвере, являло собой разительный контраст с принципами действия, к примеру, французской армии, в которой считалось, что «из двух элементов – огонь и движение – огонь является преобладающим». Судя по всему, французы пребывали в уверенности, что любая война будущего явится повторением медлительной тактики 1918 года. Разница представлялась очевидной. Но немцы в то время вовсе не руководствовались необходимостью преодолеть все существующие препятствия в условиях мирного договора. В предисловии к своему новому труду Зект откровенно заявил: «Эти положения применимы для силы, вооружения и оборудования современной армии великой военной державы, а не для армии Германии, насчитывающей в соответствии с условиями мирного договора 100 000 человек».

Активная деятельность Зекта завершилась в 1926 году, когда он был вынужден уйти в отставку после политического скандала, последовавшего в результате данного им старшему сыну наследного принца разрешения участвовать в армейских учениях. Ограниченность его кругозора, который казался широким в сравнении с другими генералами, стала более очевидной, когда он стал ярким защитником интересов и пропагандистом явно сырых идей Народной партии Германии. Тем не менее влияние его военных идей продолжало возрастать.

Свое видение будущего он изложил в книге «Размышления солдата», увидевшей свет в 1928 году, то есть вскоре после того, как он оставил службу. В ней он подвергал сомнению ценность огромных армий прошлого, считал, что затраченные ими усилия и принесенные жертвы непропорционально велики по сравнению с достигнутыми результатами. В итоге – затяжная война до изнеможения. «Масса становится малоподвижной, не может маневрировать, а значит, не имеет возможности и завоевывать победы. Она может лишь сокрушать своим весом». Более того, в мирное время чрезвычайно важно «всемерно ограничить непродуктивную задержку людей на дополнительный срок военной службы». Ключевыми моментами будущих успехов он считал современное техническое обеспечение и тактическую грамотность. «Основная масса призывников, чья подготовка была непродолжительной и поверхностной, является «пушечным мясом» в самом худшем смысле этого слова, тем более если ей противостоит небольшая группа отлично обученных и оснащенных по последнему слову военной техники бойцов». Это предвидение сбылось в 1940 году, когда несколько бронетанковых дивизий, действовавших совместно с пикирующими бомбардировщиками, полностью парализовали и разбили плохо оснащенную, зато куда более многочисленную французскую армию.

По мнению Зекта, «действующая армия» должна состоять из «профессиональных солдат, служащих длительный срок, по возможности добровольцев». Потенциал мужской части нации в мирное время может использоваться намного продуктивнее для расширения и разви-

тия промышленности, необходимой для обеспечения профессиональной армии современным вооружением. Причем постоянно должна вестись разработка перспективных типов оружия и создаваться мощности для налаживания их быстрого массового производства.

В то же время краткий период военной подготовки должен стать обязательным для всего пригодного для этого молодого населения страны. «В предварительном обучении молодых людей упор должен делаться не так на военную сторону, как на общую физическую подготовку и дисциплину». Это поможет установить связь армии с народом, укрепить национальное единство. «Так будет образована военная масса, которая хотя и не будет готова к участию в мобильной войне и победе в сражении, но вполне сможет выполнить задачи гражданской обороны. В то же время ее лучшие представители обеспечат постоянное пополнение для регулярной армии на поле боя». Такие новобранцы составляли основную массу немецких пехотных дивизий в 1940 году. Они следовали за передовыми бронетанковыми частями и оккупировали занятые населенные пункты. Приобретая необходимые знания и боевой опыт, они могли быть использованы в качестве пополнения для ударных частей. Иными словами, все было именно так, как предвидел Зект.

«Короче говоря, в войне будущего, как мне кажется, будут действовать мобильные армии, сравнительно небольшие, но профессиональные, при эффективной поддержке авиации, но при возможности быстрой мобилизации всех сил либо для производства массивной атаки, либо для гражданской обороны».

Любопытно, что в книге Зекта почти ничего не говорится о танках, но большое внимание уделено кавалерии и колесной технике. Он даже позволил себе лирическое отступление, заявив, что «дни кавалерии, соответствующим образом обученной, вооруженной и действующей современными методами, еще не сочтены» и что «ее знамена могут еще долго развеваться на ветрах будущего». Позднее появилось мнение, что неприятие Зектом бронетехники было вызвано только политическим благоразумием и что слово «танк» попросту должно заменить в его трудах слово «кавалерия». Однако Зект неприкрыто ратовал за развитие авиации и введение воинской повинности, что было запрещено Германии условиями мирного договора, поэтому вышеупомянутое мнение вполне может оказаться ошибочным.

Несмотря на очевидный динамизм, Зект оставался человеком своего поколения, а не предвестником будущего. Он был грамотным и опытным военным и поэтому ясно видел необходимость маневренности в любых наступательных операциях, однако все же не осознал того, что единственным способом достижения успеха является подвижность бронетанковых соединений. Этот вопрос остался его последователям.

Зект также руководствовался традиционными представлениями о военном искусстве, утверждая, что главной задачей авиации является уничтожение военно-воздушных сил противоборствующей стороны. Самолеты люфтваффе сделали это в Польше, в меньшей степени – во Франции. Однако, когда аналогичным способом началась подготовка вторжения в Великобританию, немецкая авиация впервые понесла тяжелые потери, столкнувшись с мощной обороной.

По более общим вопросам войны и мира взгляды Зекта были неоднозначными. Он вполне обоснованно считал, что, однажды познав ужасы войны, солдаты становятся более осторожными, чем политики, когда речь идет о втягивании в новый вооруженный конфликт. Однако в своих рассуждениях он заходил слишком далеко, объявляя бывших солдат настоящими «пацифистами» в самом лучшем смысле слова. Эта профессиональная апология, в той или иной степени характерная для каждой страны, обычно не находит поддержки в тех случаях, когда открываются для изучения архивы страны, развязавшей войну. Высшие военные чаще всего не проявляли этот «пацифизм, основанный на знании и рожденный чувством ответственности», который приписывал им Зект.

Он также не приводил убедительной мотивировки, утверждая, что «милитаризм» и «агрессия» – всего лишь модные термины. В то же время он продемонстрировал пророческий

дар, отметив, что, если политическая линия проводится на приобретение силы, «государственный деятель очень скоро столкнется с теми или иными препятствиями, из чего сделает вывод сначала об угрозе для своих планов, затем для престижа нации и в конце концов – для существования государства. После этого он станет рассматривать свою страну как сторону, подвергшуюся нападению, и втянет ее в оборонительную войну».

Чувство гуманизма неизменно присутствует в его зачастую ироничных комментариях по поводу существующей тенденции пересматривать и отменять приговоры истории. Он писал: «Я нахожу весьма неудобным то, что больше не могу считать Нерона обычным чудовищем, который освещал себе путь кострами, на которых сжигал христиан, а должен рассматривать его как мудрого, хотя и несколько своеобразного диктатора». Возможно, он таким образом выражал сомнение в новой морали, провозглашенной нацистами? А сколь глубока и исполнена смысла его известная эпитафия «Интеллект без воли бесполезен, а воля без интеллекта опасна»? Нельзя не припомнить еще одно из размышлений Зекта, содержащее мудрое предостережение: «Утверждение, что война есть продолжение политики, только другими средствами, стало просто словесным штампом и поэтому не может не считаться опасным. Можно сказать иначе, и это будет чистой правдой: война есть банкротство политики».

В то же самое время стремление Зекта держать армию в стороне от политики несет в себе определенную опасность. Явно выраженное профессиональное отчуждение, строгое разделение, которое он проводил между военными и политическими кругами, в конечном итоге вели к ограничению сдерживающего влияния военных на авантюры государственных деятелей.

Профессионал, созданный по образу и подобию Зекта, был бы современным Понтием Пилатом, демонстративно умывающим руки и отказывающимся от ответственности за приказы, которые исполняет. Чистая военная теория имеет дело с крайностями, которые довольно сложно совместить с мудрой политикой. Когда солдаты сосредотачиваются на абсолютно военной цели и не задумываются о глобальной стратегии, они более склонны принять политические соображения, которые, хотя и кажутся правильными в свете чистой стратегии, заводят политику за ту черту, где еще можно остановиться. Экстремистские военные цели слишком сложно увязать с умеренностью в политике.

Эта опасность будет увеличиваться, поскольку профессиональное мнение, олицетворяемое Генеральным штабом, на практике вовсе не является единым, каким должно быть в теории. Немалую роль здесь играют внутренние политические течения, личные амбиции. Зект писал: «История Генерального штаба... в целом была историей плодотворной позитивной работы; она также поведала о высокомерии и надменности, о тщеславии и зависти, словом, обо всех человеческих слабостях, о борьбе гениальности с бюрократической рутинной, о сокрытии славных побед и горьких поражений. Она засияла блеском славы выдающихся личностей, но осталась достаточно трагичной». И эти слова вполне применимы не только к прошлому, но и к будущему.

Генеральный штаб был первоначально предназначен, чтобы стать коллективной заменой некоего гениального полководца, на появление которого в нужный момент армия не могла рассчитывать. А являясь по своей природе бюрократической (так же как и иерархической) структурой, он ограничивал «производство» гениев, хотя в качестве компенсации должен был поднимать общий уровень компетентности. Некоторая неравномерность в его работе объясняется не столько неодинаковыми способностями отдельных индивидов, сколько различными личными интересами и взглядами. Шанс на повышение по службе заставлял любого генерала оставить при себе все свои сомнения. Именно так Гитлеру удалось внести раскол в дотолем единое профессиональное мнение. Любопытное только что назначенный на должность генерал всегда уверен, что ситуация лучше, чем казалось его предшественнику, и что ему непременно удастся то, что не получилось у последнего. Этот психологический феномен – мощный рычаг в руках любого правителя.

Глава 3

Эра Бломберга – Фрича

На смену Зекту пришел Хейе, которого в 1930 году сменил Хаммерштейн. Это были менее значительные фигуры, чем Зект, но оба в целом продолжали проводить его политику. Хаммерштейн был глубоко обеспокоен быстро набирающим силу нацистским движением, находя его политические принципы и методы отвратительными. Вследствие этого он отступил от принципа Зекта не вмешиваться в политику и всерьез рассматривал возможность принятия действенных мер, которые помешали бы Гитлеру прийти к власти. Однако решение вставшего в маразм президента республики фельдмаршала фон Гинденбурга о назначении Гитлера канцлером, конституционно закрепившее его высокое положение, выбило почву из-под ног Хаммерштейна. Опасения последнего не разделяли другие генералы, считавшие себя «просто солдатами».

Придя к власти, Гитлер практически сразу же назначил генерала фон Бломберга министром рейхсвера. К этому новоявленного канцлера подтолкнул амбициозный карьерист – полковник фон Рейхенау, ранее служивший в одной из дивизий Бломберга в Восточной Пруссии начальником штаба. В 1932 году он познакомился с Гитлером и стал его активным сторонником. Бломберг лично не знал Гитлера, но во многих отношениях являлся его антиподом. Тот факт, что он принял назначение, так же как и его деятельность в новой должности, ясно показывает, что такое «просто солдат».

Бломберг

Годом ранее Бломберг работал главным военным советником немецкой делегации на переговорах по разоружению в Женеве. Ему только что исполнилось 50 лет, то есть по сравнению с другими офицерами верховного командования Германии, так же как и других армий, он был почти юношей. Это факт, так же как и его неожиданное возвышение, не мог не вызвать зависть окружающих. Враждебность генералов по отношению к молодому выскочке еще более усилилась по причине их презрительного отношения к «богемскому капралу». Многие из них были готовы приветствовать приход Гитлера к власти, поскольку он благоприятствовал их собственным планам милитаристской экспансии, но не признавали за экс-капралом права иметь собственное мнение по военным вопросам, поэтому и усомнились в правильности выбора им претендента на столь высокую военную должность.

Предвзятое отношение старших офицеров рейхсвера с самого начала нанесло ущерб положению Бломберга. Товарищи его открыто оттолкнули, поэтому ему пришлось заручиться поддержкой Гитлера, иными словами, он был вынужден следовать политике фюрера, которая нередко шла вразрез с его собственными убеждениями. По иронии судьбы он был удивительно приятным человеком, выгодно отличавшимся от типичного «пруссака», что оказалось вовсе не положительной чертой при сложившихся обстоятельствах. Солдаты прозвали его «резиновый лев», и этим, пожалуй, все сказано как нельзя лучше.

Вернер фон Бломберг был человеком, отличавшимся от грубых и неразборчивых в средствах лидеров нового режима. Если он и симпатизировал нацизму больше других генералов, то лишь потому, что, даже шагнув на шестой десяток, оставался идеалистом. Романтический энтузиазм легко делал его слепым, особенно при взгляде на то, что его не слишком заботило. Нацистское движение вначале привлекло немало таких идеалистов, правда, все они были моложе, чем Бломберг. В среде военных карьерный рост – процесс отнюдь не быстрый. Бломберг был искренен в своем энтузиазме и относился к своей профессии в духе рыцарства. Я это понял, еще когда мы впервые встретились в Женеве в 1932 году. Он демонстрировал подлин-

ный интерес ко всем новым идеям, появившимся в военной области, особенно касающимся оригинальных тактических решений, но еще больше энтузиазма он проявлял, когда речь шла о возрождении духа рыцарства в армии. Дискутируя по вопросу «джентльменского» ведения войны, он становился почти поэтом. Вращение в течение долгого времени в высших военных кругах придало ему изрядный налет скептицизма, но независимо от этого Бломберг произвел на меня впечатление человека искреннего, безусловно преданного своему делу и при этом не утратившего некоторых мальчишеских черт. Он был очень высок и плечист, но никогда не бывал угрюмым и мрачным и неизменно подкупал людей, с которыми общался, дружелюбием, вежливостью, откровенностью. Вряд ли ему стоило благодарить судьбу за то, что он оказался между двумя противоборствующими группировками. Сложись обстоятельства иначе, он вполне мог стать выдающимся военным деятелем.

Тем не менее и в этой ситуации его влияние было куда больше, чем могло показаться. Отличительной чертой Второй мировой войны было то, что немецкая армия на полях сражений в целом соблюдала военные правила и законы значительно строже, чем в 1914–1918 годах, во всяком случае, это касалось западных фронтов. Причиной некоторого улучшения обстановки стали новые правила поведения солдат, которые Бломберг и другие офицеры, разделяющие его взгляды, старательно вводили в рейхсвере. Сдержанность, проявленная войсками, оккупировавшими Бельгию и Францию в 1940 году, тем более в сравнении с поведением армии в 1914 году, была тоже следствием мудрой политики Бломберга и его последователей. Военным потребовалось немало времени и усилий, чтобы сгладить горечь поражения и успокоить население оккупированных стран. Эффект мог быть более выраженным, если бы не совершенно иное поведение гестаповцев и эсэсовцев.

Есть заслуги у Бломберга и в области военной тактики. Хаммерштейн сохранил действовавшую в немецкой армии наступательную доктрину, не имея для ее реализации ни материальных ресурсов, ни новой техники. Еще находясь в Восточной Пруссии, Бломберг пытался внедрить новые формы тактики, учитывающие современные средства обороны, стараясь использовать их в наступательных целях. Вместо того чтобы атаковать хорошо укрепленные позиции противника, следовало выманить его оттуда, заставить его перейти в поспешное наступление, броситься в погоню, тем самым заманив в ловушку, и, воспользовавшись возникшей неразберихой, нанести решающий удар. В качестве приманки можно использовать обманные маневры – отступление или же внезапная атака, угрожающая коммуникациям противника. Потенциальные возможности такой «ловли на живца», сочетающей наступательную стратегию с оборонительной тактикой – как щит и меч, – бросились мне в глаза еще в процессе изучения кампании Шермана в Джорджии. В своих следующих книгах я много писал о целесообразности ее применения в современной войне. Наша первая встреча с Бломбергом произошла именно благодаря его интересу к этой идее. (Следует заметить, что методы, использованные Шерманом, произвели впечатление и на генерала Паттона.) Когда я впервые встретился с Паттоном, а произошло это в 1944 году, незадолго до начала высадки в Нормандии, он рассказал, что прочитал мою книгу и провел немало часов, изучая описания кампании Шермана. После этого мы долго обсуждали возможность применения подобных тактических приемов в современной войне. Они были продемонстрированы при последовавшем переходе из Нормандии в Мозель.

Генерал Вуд, командовавший передовым отрядом – 4-й бронетанковой дивизией, также оказался энтузиастом этой идеи и, достигнув Сены, написал мне, что все сработало замечательно.

Бломберг также лучше, чем другие генералы, его современники, понимал и признавал новую концепцию мобильной войны с танками, выполняющими историческую роль кавалерии. Эта концепция была не слишком популярна в британской армии, за исключением разве что королевского танкового корпуса. Рейхенау проявил еще больше энтузиазма и лично перевел некоторые мои книги, хотя и он не сумел осознать тактику нанесения танковых ударов

так полно, как, к примеру, Гудериан и Тома, принимавшие самое непосредственное участие в создании бронетанковых сил Германии начиная с 1934 года.

Триумф немецкой тактики и немецких бронетанковых сил в течение первых двух лет войны явился зеркальным отражением мер, принятых для разоружения побежденной страны после предыдущей войны. В принципе они были достаточно эффективными. Попытки уклониться от них, неоднократно предпринятые немецкими генералами, выглядели жалкими и не принесли желаемого результата. Процесс восстановления военной мощи Германии не представлял собой реальной опасности до тех пор, пока нацистское правительство открыто не отказалось от ограничений, наложенных мирным договором. Колебания правительств стран-победительниц позволили Германии вновь обрести силу. Более того, важным результатом навязанного Германии разоружения явилось освобождение ее армии от запасов морально изношенного оружия 1914–1918 годов, сохраненного странами-победительницами. Устаревшее вооружение крепко привязывало их к старым методам и давало повод для переоценки собственных сил. Начав широкомасштабное вооружение, немецкая армия не могла не ощутить свое явное преимущество, поскольку ее ничто не связывало с прошлым, и процесс разработки новых видов вооружений на основе свежих, прогрессивных идей получил мощный импульс.

Появлению новых идей в немалой степени способствовала другая мера, принятая странами-победительницами, – упразднение Генерального штаба. Останься Генштаб в первоначальном виде, он бы, безусловно, сохранил свою былую инертность, громоздкость и неповоротливость. Загнанные в подполье, его сотрудники в значительной степени освободились от административной рутин, получив возможность сконцентрироваться на выработке конструктивных идей будущего устройства. Иными словами, подпольный Генштаб стал более эффективным. Можно ликвидировать физическую форму военной организации – отобрать мебель, помещение, здание, – но нельзя заставить ее прекратить свою деятельность как мыслительного органа.

Таким образом, результатом всеобщего разоружения Германии после Первой мировой войны стала расчистка места для более эффективной модернизации ее вооруженных сил, когда сложилась политическая ситуация, благоприятная для повторного вооружения. Ограничения в степени модернизации были вызваны главным образом внутренним консерватизмом и конфликтом интересов, а не внешним воздействием.

Фрич

Положение Бломберга как министра рейхсвера позволяло ему способствовать развитию новой тактики и преодолевать сопротивление более ортодоксально настроенных генералов – так же как и в других странах, главным образом во Франции. Однако шаткость его позиции – «буфера» между Генштабом и Гитлером – не давала ему широко распространить свои идеи, да и развивались они не так быстро, как могли бы при более благоприятных обстоятельствах. Когда в конце 1933 года он попытался решить вопрос о назначении Рейхенау на место Хаммерштейна, то столкнулся с открытым сопротивлением сплотившихся для этого генералов. Действуя по их совету, Гинденбург остановил свой выбор на генерале фон Фриче, опытным солдате, представлявшем более консервативную школу как в политическом, так и в военном отношении. Он понимал ценность танков и авиации, но считал эти новые виды вооружения «выскачками» и намеревался твердо указать им на место – второстепенное место, по его глубокому убеждению. Более того, генерал Бек, позже ставший начальником Генерального штаба, к «танковым революционерам» относился не менее критично, чем к нацистскому движению. Поэтому немецкая военная машина, хотя и находилась впереди других стран по созданию механизированных частей, все же не заняла то положение, которое могла бы, в результате чего возник некий компромисс между старой и новой армией.

Вернер фон Фрич, сравнительно молодой штабной офицер, с 1920-го по 1922 год работал в министерстве рейхсвера под началом генерала фон Зекта и был в курсе многих его идей. Затем он ушел в армию, где начал с командования батареей, а через несколько лет стал начальником штаба в Восточной Пруссии. В 1927 году он вернулся в министерство рейхсвера в качестве помощника Бломберга, бывшего в то время начальником оперативного управления. Там он отвечал за разработку плана нападения, в случае войны, на Польшу, предусматривающего одновременную оборону на западе, чтобы не допустить вмешательства Франции. Впоследствии он лег в основу претворенного в жизнь в 1939 году плана, хотя при этом, конечно, были задействованы другие силы и средства.

В период, предшествовавший нацизму, Фрич продемонстрировал явный дипломатический талант, как правило не свойственный офицерам старой школы, в общении с депутатами-демократами, часто задававшими затруднительные вопросы по поводу увеличения военного бюджета и причин, по которым армия, жестко ограниченная в размерах, требовала содержания такого непропорционально большого штабного и офицерского корпуса. Фрич умел удовлетворять любопытство и умирять недовольство. Он знал, как общаться с людьми, – вызывал к патриотизму одних, мастерски играл на слабостях других, завоевывал дружбу третьих. Будучи по натуре человеком холодным и надменным, он, если этого требовали обстоятельства, мог становиться дружелюбным и компанейским парнем, душой компании.

Когда к власти пришли нацисты, генералы быстро поняли, что им понадобится человек, сочетающий непреклонную решительность с качествами дипломата. Фрич отвечал этим требованиям и к тому же имел репутацию умелого стратега. Поэтому в начале 1934 года он получил долгожданную должность. Первые его действия были направлены на обуздание непомерных амбиций штурмовиков капитана Рема и устранение угрозы, которую они несли власти и профессиональной армии. Он представил Гитлеру свидетельства того, что планы вооружения штурмовых отрядов, которые вроде бы должны стать дополнением армии, на деле направлены лично против фюрера. Гиммлер предпринял аналогичные действия, хотя и руководствовался другими мотивами. Они сумели убедить Гитлера, и результатом явились кровавые события 30 июня 1934 года.

Таким образом Фрич стал авторитетной фигурой не только для Гитлера, но и для всех деятелей Германии, которые по разным причинам опасались роста влияния нацизма. Ему удалось закрепить превосходство военного командования в балансе внутренних сил, тем самым обойдя на повороте Гиммлера. По таким вопросам, как повторное введение воинской повинности и оккупация рейнских земель, Фрич был согласен с Гитлером. Однако он был человеком осторожным и постоянно заявлял, что прежде, чем сделать каждый шаг, необходимо прощупать почву, поэтому и сдерживал развитие армии, считая, что, пока она находится в процессе роста и становления, ее опасно подвергать искушению силой.

Ободренные покорностью, с которой правительства Великобритании и Франции приняли эти демонстративные шаги, нацистские лидеры замахнулись на большее – вмешались в Гражданскую войну в Испании. Их целью была победа генерала Франко и установление фашистской диктатуры в стране, граничащей с Францией и лежащей на морских путях между Южной Францией и Великобританией. Фричу очень хотелось использовать испанскую войну в качестве испытательного полигона для новых видов вооружения и тактических приемов, появившихся в германской армии, однако он был достаточно умен, чтобы понимать заключающуюся в этом стратегическую ошибку: таким образом многократно возрастал риск открытого военного противостояния с Францией и Британией. Однако его осторожность не была принята нацистскими лидерами, окрыленными недавними успехами. В то же время его дипломатические усилия укрепить отношения с Красной армией вызвали яростное сопротивление с их стороны. Антибольшевистский настрой Гитлера обеспечил врагов Фрича плодородной почвой, в которую грех было не посеять семена подозрительности. Противоречия возрастали также из-за

попыток Фрича сохранить старый дух в новом офицерском корпусе и оградить его от проникновения нацистской идеологии.

Со временем трещина в отношениях Фрича и Бломберга стала расширяться. Фрич и его сторонники видели, что Бломберг поддался гипнозу фюрера и больше не отстаивает интересы армии так же рьяно, как раньше. Им казалось, что подхалимство Бломберга проявляется даже в манере, с которой он носил нацистскую эмблему на форме, и его прозвали Hitler-Youth-Queer, как мальчика-идеалиста, показанного в одном из нацистских фильмов.

Двойное увольнение

Кризис наступил в январе 1938 года, причем его причиной стали события, далекие от военного дела. Бломберг влюбился в машинистку из своего офиса и женился на ней. Гитлер одобрил этот брак, публично заявив, что военные лидеры национал-социалистической Германии проявляют демократизм, они близки к народным массам, а вовсе не замкнуты в своей обособленной касте. Он лично посетил церемонию и выступил на ней свидетелем. Генералы сочли этот брак неприличным, однако, вопреки циркулирующим в те времена слухам, они не заявляли свой протест открыто и не вынуждали Бломберга покинуть кабинет. За них все сделал Гиммлер.

После свадьбы Гиммлер представил Гитлеру полицейское досье, из которого явствовало, что счастливая новобрачная была проституткой. После войны американские следователи высказали предположение, что Гиммлер посадил ее в офис Бломберга как приманку. Гитлер пришел в ярость, поскольку оказалось, что он лично присутствовал на свадьбе «уличной женщины», а значит, оказался в неловком положении. Он уволил Бломберга с занимаемого поста и даже вычеркнул его имя из списка офицеров.

Новости не слишком обеспокоили остальных генералов. Однако они были потрясены другим ударом, незамедлительно последовавшим за первым. После увольнения Бломберга встал вопрос о назначении нового военного министра, и тут на свет появилось новое досье, содержащее обвинение Фрича в гомосексуализме. В действительности это было досье его однофамильца, но, когда Гитлер послал за Фричем, Гиммлер представил свидетеля, формально опознавшего его, как человека, о котором идет речь в досье. Результатом стало также увольнение.

По мнению генерала Рёрихта, причиной действий Гиммлера явилось его желание не допустить, чтобы Фрич занял пост Бломберга. Став во главе вермахта – вооруженных сил страны, он бы приобрел слишком большую силу. «Любой человек, занявший этот пост, стал бы могущественнее Геринга, главнокомандующего люфтваффе. Назначить на этот пост другого военного было слишком сложно. Фрич был на тот момент единственной подходящей во всех отношениях кандидатурой, уже занимающей высшую должность по сравнению с Герингом. Однако вмешательство Гиммлера объяснялось вовсе не заботой о благе Геринга. Он старался расчистить дорогу для претворения в жизнь своих собственных планов постепенной замены армии отрядами СС».

Фрич потребовал разбирательства в суде, чего в конце концов добился, хотя и с немалыми трудностями и только при активной помощи Рундштедта, как представителя от генералов. Когда вопрос был решен, Гиммлер захотел сам председательствовать на суде, но на помощь Фричу пришел министр юстиции, провозгласивший необходимость военного суда. Тогда Гиммлер попытался воздействовать на свидетелей защиты. Чтобы обеспечить их безопасность и явку в суд, генералы организовали для них охрану. На суде свидетель Гиммлера отказался от своих прежних показаний, за что и поплатился жизнью. Однако Фрич был полностью оправдан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.